

ОЛЫГА
ВОЛОДАРСКАЯ

ЖЕНА
СИНЕЙ БОРОДЫ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга Геннадьевна.

В68 Жена Синей Бороды : роман / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-190862-1

Они поженились в 1910 году. Юная графиня Арина Барышникова и внук бурлака купец Егоров, немолодой, тучный, хмурый, некрасивый. Заласканная отцом принцесса, выросшая во дворце, вышла замуж за того, кого в городе называли Синей Бородой. Егоров уже похоронил двух жен и нашел себе третью. Не беда, что ее батюшка все состояние профукал — денег кушца хватит на всех...

Егоров искренне верил, что сможет сдержать своих демонов в новом браке. Арина надеялась со временем полюбить мужа, о репутации которого папочка умолчал. Но оба ошиблись. В первую же брачную ночь графиня Барышникова узнала, что такое ад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190862-1

© Володарская О., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Город Ольгино N-ской области. Наши дни

Директор Ольгинского краеведческого музея Родина Елена Сергеевна распахнула двери выставочного зала, впуская группу школьников. Ребятишки, гадя и толкаясь, ввалились в помещение и растеклись по нему, чтобы рассмотреть экспонаты. Мальчиков больше всего интересовали ружья, девочек — веера, гребни, сумочки и прочие дамские мелочи, аккуратно разложенные на дне старинного сундучка. Дождавшись, когда дети немного удовлетворят свое любопытство, Елена Сергеевна громко хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание. Как только мордашки повернулись в ее сторону, она заговорила:

— А теперь, ребята, посмотрите на портрет. — Елена Сергеевна указала рукой на картину, висящую на стене. На ней был изображен тучный бородатый мужчина в парадном сюртуке и при ордене. — Это Федор Григорьевич Егоров. Известный в прошлом фабрикант. Миллионер и меценат. Именно ему когда-то принадлежал этот дом. Здесь у Федора Григорьевича была дача...

Ребятишки без особого интереса посмотрели на картину. От Елены Сергеевны не укрылось это равнодушие, но она все равно продолжила рассказ:

— Федор Григорьевич, ребята, гордость нашего края! Благодаря ему Ольгино из захолустного поселка превратился в город с развитой промышленностью. Ведь именно он построил обе мельницы, на которых сейчас трудятся ваши родители... — Она перешла от портрета к окну, из которого открывался дивный вид на реку. — И церковь, — Елена Сергеевна указала на сверкающий в солнечном свете купол, — тоже на деньги Егорова возведена. А еще больница, столовая, школа. И это только в нашем городе! По области же насчитывается около двух десятков зданий...

Ее страстную речь неожиданно прервала худенькая белобрысая девчушка. Широко распахнув голубые глаза, она с любопытством пискнула:

— А правда, что он своим любовницам дома дарил?

— Что? — опешила Елена Сергеевна.

— Мне бабушка говорила, что улицу Первомайскую раньше улицей Любви называли. Потому что Егоров на ней своих бывших любовниц селил...

Услышав это заявление, мальчишки захихикали, а девочки все как одна воззрились на портрет Егорова — теперь в их взглядах читалась явная заинтересованность.

— Федор Григорьевич помогал своим работницам... — проговорила растерянная и немного смущенная Елена Сергеевна. — Приданое давал. От широты души.

— А еще бабушка говорила, — не унималась девочка, — что у Егорова было пять жен. И все они померли молодыми...

— Только три. Пятерых ему бы не позволила иметь церковь...

— И че, правда все померли? — подключился к беседе конопатый мальчишка, со вкусом жующий шоколадное печенье в яркой обертке.

Роднина беспомощно посмотрела на сопровождающую ребят учительницу. Она не могла понять, почему их волнует лишь грязное белье Егорова, а до его свершений, его личности им нет никакого дела.

— Не померли, а умерли, — поправила мальчика учительница. А потом, заметив растерянный взгляд Елены Сергеевны, решила помочь ей, сменив тему.

— Я слышала, Егоров в этом доме принимал министра финансов графа Х.? — спросила она. — Это правда?

— Да. Граф был приглашен губернатором на открытие Промышленной ярмарки. Но по дороге из Москвы в Н-ск сделал остановку в Ольгино. Он очень уважал Федора Григорьевича. И именно он выхлопотал для него звание коммерции советника...

Елена Сергеевна хотела еще упомянуть об ордене, врученном Егорову самим императором, но тут белобрысяя всезнайка опять подала голос:

— А от чего его жены померли... то есть умерли?

— Ира, перестань! — прикрикнула на нее учительница. — Это вам не ток-шоу «Пусть говорят»! Это лекция по краеведению...

Девочка надула губы и отошла в дальний конец зала. И только Елена Сергеевна собралась продолжить рассказ, как до нее донесся возбужденный Ирин возглас:

— А вот портреты его жен! Смотрите!

Дети ринулись на зов. Даже мальчики не остались в стороне — подлетели к портретам (увеличенным и вставленным под стекло фотографиям) и начали внимательно их разглядывать.

— Первая страшная, — поделился своими наблюдениями мальчик с печеньем. — Вторая ничего. А третья просто супер! На какую-то артистку похожа... — Он вытер перепачканный шоколадом рот рукавом и добавил: — И че она за этого старика замуж пошла?

— Из-за денег, — поделилась своими богатыми знаниями Ира. — Мне бабушка рассказывала, что она бедной была, а Егоров миллионер. Вот она за него и вышла.

— А когда сам Егоров умер? — спросил кто-то из ребят, но не у Елены Сергеевны, а у всезнающей одноклассницы.

— В революцию погиб. Его взбунтовавшиеся рабочие убили.

— Его убили мародеры! — гневно воскликнула Роднина. — Пьяные ублюдки! Они ворвались в этот дом, чтобы грабить... Федор Григорьевич попытался дать им отпор, но кто-то ударил его сзади по голове обухом топора! Этот удар был смертельным... — Она перевела дыхание и тихо закончила: — Тело Егорова обнаружили только два дня спустя. И спешно захо-

ронили его на ольгинском кладбище, не поставив на могиле даже креста...

— Но теперь на ней очень красивый мраморный памятник, — включилась в разговор учительница. — И все благодаря Елене Сергеевне, которая в течение пяти лет выбивала деньги у администрации...

— А тех отморозков, что Егорова порешили, посадили? — живо заинтересовался хулиганистого вида мальчишка, до сего момента не проявлявший интереса к теме обсуждения.

— Нет. Свершив свое черное дело и вытащив из дома все, что можно, они сбежали. А так как в то время была страшная неразбериха — революция, сами понимаете, смена власти, — то они легко затерялись на просторах страны! Да и не искали их особо. Не до того было...

Тут ее рассказ опять был прерван звонким девчачьим голоском.

— А почему у двух первых жен поставлена дата смерти, а у третьей нет? — спросила пухленькая девочка, стоявшая все это время под портретами. — Она что, еще жива?

— Вряд ли. Скорее всего, ее убили в тот же день, что и Егорова. Дело в том, что она тоже была в доме, когда бандиты ворвались в него... Но труп Федора Григорьевича был обнаружен, а ее нет! Поэтому точная дата смерти Арины Алексеевны Егоровой не известна...

— И куда ее труп делся?

— Скорее всего, молодую женщину похитили — увели с собой, а только потом убили...

— Похитили, чтобы изнасиловать, понятно, — со знанием дела изрекла толстушка.

Услышав сие заявление из уст второклассницы, Елена Сергеевна покраснела и растерянно замолчала. Мальчишки вновь захихикали, а девочки с пониманием закивали. Тут на передний план выступила Ирочка и открыла свой маленький ротик, чтобы выдать очередной сногшибательный факт, поведенный бабушкой, но учительница, которой надо было поскорее бежать домой, чтобы кормить мужа обедом, решительно скомандовала:

— А теперь, ребята, быстро переходим в другой зал. Там чучела животных. Лис, волков и даже лося.

Это заявление произвело фурор, мгновенно вытеснив из детских голов мысли о Егорове и его женах. Даже не обернувшись на картины, так их интересовавшие еще минуту назад, ребятишки хлынули в другой зал. И только конопатый мальчик все стоял у портрета Арины Егоровой, пытаясь вспомнить, на кого она похожа...

Не вспомнил. Как ни старался.

Тяжко вздохнув, мальчишка закинул в рот последнее печенье (диковинное, привезенное родственниками из-за границы), быстро прожевал его, а яркую обертку скомкал и воровато швырнул за какую-то статую полуголой тетки с вазой в руке. После этого он присоединился к своим одноклассникам, очень надеясь, что директриса не заметит брошенного им мусора.

Она и не заметила. Как и никто другой, кроме уборщицы тети Вали, которая вечером, ругаясь и охая, выметала обертку из угла. Перед тем как бросить бу-

мажку в мусор, она развернула ее, чтобы посмотреть, что за вкуснятину едят нынешние школьники — ей, больной пенсионерке, доходов хватало только на лекарства и самые дешевые продукты по акции. Разгладив глянцевую упаковку, тетя Валя обнаружила, что детишки нынче лакомятся импортным печеньем, облитым шоколадной глазурью. Эти самые печенки и были изображены на обертке. Прямо под портретом какой-то красивой барышни в старинном одеянии и надписью на английском, которую тетя Валя с горем пополам прочла («Lucky»), но не смогла перевести. Однако она поняла, что так называется фирма, производящая чудо-печенье, а ретродевушка является ее лицом. Только она почему-то совсем на иностранку не походила. Больше на русскую... Причем конкретную русскую... Артистку, что ли?

Так и не вспомнив, кого ей напомнила девушка с обертки, тетя Валя швырнула мусор в мешок и, взвалив его на плечо, побрела к двери. Но всю дорогу бубнила про себя: «Где же я ее видела? Ну где?» Ответ тетя Валя могла получить тут же — если бы хоть раз обернулась. Ибо на стене, где были развешаны изображения егоровских жен, имелся в точности такой портрет, какой она совсем недавно видела на обертке печенья.

Арина Алексеевна Егорова, последняя жена Федора, пропавшая без вести в 1917 году, вот кто был лицом американской фирмы «Lucky», производящей разнообразные мучные изделия, в том числе печенье всевозможных сортов. И самым популярным ее продуктом был тот, который с таким удовольствием ел конопатый мальчик: «Lucky Arina» — «Счастливая Арина».

Часть первая

АРИНА (1889–1910)

Глава 1

Стоял май. Тот чудный солнечный месяц, когда листва брызжет сочной зеленью, сады утопают в цвету, а небо чистое, словно родниковая вода.

Арина сидела на широком подоконнике и с высоты третьего этажа наблюдала за жизнью на набережной. Было воскресенье, и люди, нарядные и веселые, гуляли по улице, катались в открытых экипажах, ели мороженое господина Кука, американца, державшего по соседству кондитерскую. Особенно Арине нравилось разглядывать наряды дам и отмечать при этом, что платье, в которое ее сегодня нарядили, нисколько не хуже, чем у них. Она спрыгнула с подоконника и подбежала к большому зеркалу, висящему на стене. Оттуда на нее смотрела хорошенькая девчушка с золотыми локонами и смеющимися серыми глазами, одетая в чудное голубое платье из шифона — узкое до талии и пышное от нее. Из-под подола выглядывали кружевные панталончики, носочки были белыми, а туфельки, заказанные в самом Париже, синими. В волосах, забранных в два хвоста, красовались искусственные незабудки.

Арина залиvisto рассмеялась и бросилась к противоположному окну. Вид из него был еще интереснее: по Волге, величественной и неторопливой, плыли грузовые суда, тяжелые баржи, небольшие прогулочные катера, на берегу стоял древний кремль, а на холме, там, где река делала изгиб, возвышалась белокаменная Рождественская церковь, построенная еще при деде Арины.

В этот дивный ясный день Арине исполнилось шесть. Ее нарядили, немного покормили... Чуть-чуть, чтобы не испортился аппетит... И позволили подождать папу в ее любимой бальной зале. Почему девочке так нравилось именно это помещение, не знал никто, кроме отца, которому Арина под страшным секретом призналась. Кроме широких подоконников, с которых можно наблюдать жизнь города, в зале было множество зеркал в золотых рамах, картин, огромных напольных ваз, а еще мраморный пол, лепной потолок и гигантская хрустальная люстра, вся переливающаяся даже будучи незажженной. И все это великолепие напоминало девочке о дворце сказочного короля, в котором она никогда не была, но мечтала оказаться. Стоило ей остаться одной в комнате, как она, напевая себе под нос, начинала вальсировать по залу, останавливаясь у зеркал и представляя, как будет танцевать, когда вырастет, на балу у императора. Вот и сейчас, не выдержав, она зажала подол своего платья в ладошках и закружилась под звуки вальса, доносящиеся с улицы через открытую балконную дверь.

Чудное-чудное утро! Она обожала дни своего рождения не только потому, что ее наряжали в лучшие

платья и заказывали у господина Кука гигантский торт с лебедями, но и потому, что этот день папа посвящал только ей. Обычно они выходили из особняка после торжественного обеда, который давали в их доме по случаю праздника, немного шли пешком, потом садились в коляску, запряженную неизменно тройкой белых коней, не спеша ехали по набережной — при этом все смотрели на них: кто-то здоровался, кто-то просто улыбался, — и махали прохожим, а вволю накатавшись, заворачивали в сторону парка и там выходили, садились на лавочку около фонтана и кормили голубей. Каждый раз после того, как этот чудесный день заканчивался, Арина с замиранием сердца начинала мечтать о следующем. Сегодня же все было еще впереди, и девочка, сгорая от нетерпения, ожидала момента, когда папочка пригласит ее к гостям, перед которыми она должна присесть в реверансе и сказать «добрый день», а после, примерно через полчаса, они отправятся на прогулку.

Арина отложила сумочку с хлебом для голубей, которую ей приготовила няня, расправила платье и степенно села. Теперь она взрослая — ей шесть! Надо учиться себя вести, ведь скоро она станет девушкой и ей придется искать себе мужа, а невоспитанным дамочкам хорошие мужчины не достаются. Так говорила няня, и ей Арина верила.

На лестнице раздались шаги. Девочка решила, что это за ней послана горничная, дабы отвести к гостям, и приосанилась еще больше.

Дверь отворилась. В комнату вошел папа в сопровождении неизвестной женщины в строгом сером платье.

— Папочка! — взвизгнула Арина, тут же забыв о том, что стала степенной дамой.

— Детка, — отец ласково чмокнул дочь в лобик и представил: — Познакомься. Мадам Фурше, твоя гувернантка.

— Добрый день. — Арина отдала дань вежливости и даже присела в реверансе, но была недовольна тем, что папа испортил такой прекрасный день. Она знала, что скоро приедет какая-то француженка обучать ее наукам и манерам, но не думала, что это случится так скоро.

— Здагствуй, — прогнусила мадам и улыбнулась. Арина, которой новая знакомая сначала совсем не понравилась, сменила гнев на милость, увидев, как задорно блестят глаза у женщины, когда она улыбается.

— Мы пойдем к гостям? — нетерпеливо спросила девочка, ей так хотелось вырваться поскорее на улицу.

— Нет. Сегодня особенный день. У меня для тебя сюрприз.

Арина испуганно отстранилась; ей подумалось, что гувернантку привели неспроста и что раз теперь она взрослая, ей не позволят кататься в коляске и кормить голубей, заставят зубрить математику и французский.

— Мадам Фурше, можно я начну учиться завтра? А сегодня...

— Дедка, занимагтся мы начнем с понедегника. А сейчас развлекайтесь, — мадам блеснула на прощание мелкими зубами и вышла. Арина с папой остались вдвоем.

— Твои гости ушли?

— Нет, они ждут нас внизу, в саду.

— Они едут с нами? — Арина не сдержала разочарования — им никогда еще не мешали посторонние в день ее рождения.

— И да, и нет. Я сказал, что у меня для тебя сюрприз, и мои друзья помогли его подготовить. Пошли.

— Хлебушек брать? — Любопытство взяло верх, и Арина, которая сначала хотела закапризничать и настоять на путешествии вдвоем, послушно последовала за отцом.

— Возьми, если хочешь. Голубей и там предостаточно.

Они спустились по мраморным ступеням, держась за руки. В холле было светло из-за врывающихся в окна и распахнутую дверь солнечных лучей, которые не только озаряли мраморный пол и белые стены, но и играли на позолоте люстр и ручек. Арина, очень гордая оттого, что идет с таким нарядным и красивым господином, как папа, и еще больше оттого, что он и его серьезные друзья специально для нее приготовили сюрприз, прошагала к выходу.

У ворот их ждал экипаж, запряженный, как всегда, тройкой белоснежных лошадок. Чуть поодаль стояло еще несколько, правда не таких нарядных, и в них сидели важные господа со своими женами — уезжающие гости. Увидев именинницу, мужчины приветственно сняли шляпы, а дамы закивали и засюсюкали. Арина громко со всеми поздоровалась, залезла, не без папиной помощи, в коляску и велела кучеру трогать.

Процессия отправилась. Ехали недолго. Арина даже не успела насладиться зрелищем бурлящей набережной, но заметила, что сегодня людей непри-

вычно много и все они слишком возбуждены и приодеты, даже для воскресенья. К тому же самоходных экипажей, которых в городе было не так уж много, попадалось больше, чем обычно.

— Ты заметила, что сегодня все веселятся? — Папа наклонился к самому уху дочери, ибо из-за шума проносившихся мимо экипажей было ничего не слышно.

— А почему?

— Потому, что на подарок, который я приготовил для тебя, придет смотреть весь город.

— Но ведь он для меня. Значит, мой. А не ихний. — Арина надула губки. Лучше бы они поехали кормить голубей.

— Не ихний, а их. Потом, ты же большая, ты должна понимать, что, если даже подарок предназначается тебе, это не значит, что другие не могут им пользоваться.

— Как это?

— Вот, например, торт, который мистер Кук тебе дарит, ты же его не съешь одна, правильно?

— Я им угощу тебя, няню, ребят, даже Глашу, которая мои платица стирает.

— Правильно.

— Но торт я одна просто не съем, я лопну, а вот тупельки, которые ты мне подарил, — она подняла ногу, — я никому не дам. Они же мои.

— Верно, детка. Но на пять лет какой ты получила подарок?

— Лодочку, — вспомнила Арина и тут же захотела опять на ней покататься, но, чтобы это сделать, надо было ехать в деревню.

— И ты на ней катала и меня, и няню, и ребятишек деревенских.

— Лодочка большая. В ней для всех места хватит.

— Вот. А то, что я приготовил сегодня для тебя, такое большое, что в нем поместится...

— Целый город? — у Арины возбужденно заблестели глаза.

— Целый не поместится, но пятьдесят человек запросто. А потом еще столько же. И еще сколько захочешь.

— Это пароход?

— Нет. Это сюрприз. — Папа дернул Арину за нос и прибавил: — Потерпи, почти приехали.

Арина обреченно вздохнула и притихла. Народу стало еще больше, а чем дальше они продвигались к центру города, тем многочисленнее становилось. На столбах висели плакаты, на которых разноцветными буквами было что-то написано, но именинница не знала что, она пока не умела читать. Кругом сновали наряженные в скomorошьи костюмы лотошники, бегали дяди с тяжелыми фотоаппаратами, то здесь, то там раздавалось пение под гармонь. Словом, суета стояла невообразимая.

Когда главная кремлевская башня показалась из-за холма, процессия остановилась. Все вышли. К ним тут же подбежал полицмейстер с пышными усами и отрапортовал папе, что все к торжеству готово. Арина, правда, не до конца поняла, к какому, но виду не подала и важно прошествовала за молодым полицейским, которому поручили препроводить девочку к ее месту.

Главная площадь была запружена людьми. В центре ее стоял небольшой помост, вокруг него несколько рядов лавок, на которых уже разместились важные господа и дамы, все остальные стояли, тесно прижавшись друг к другу и норовя вырваться вперед, поближе к полицейскому оцеплению. Арину разместили в первом ряду, и она отметила, что из сидящих здесь она единственный ребенок.

Забили часы на главной кремлевской башне. Все как по команде притихли и стали внимательно следить за человеком, взошедшим на помост. Арина его узнала. Это был господин Зославский, вице-губернатор и папин друг.

— Дамы и господа, сегодня знаменательное событие для нашего города, ибо именно в этот день мы приобщились к цивилизации, благодаря какому чуду техники вы все знаете, — и он показал на транспарант, висящий над трибуной, — и говорить за это спасибо мы должны прежде всего нашему губернатору Барышникову Алексею Ананьевичу, который нашел субсидии... А впрочем, он вам сам расскажет. Ему слово!

Зославский отошел, похлопывая, а ораторское место занял стройный невысокий мужчина с вьющимися русыми волосами. Он показался Арине здесь самым красивым. Потому что это был ее папа.

— Господа. Спасибо за аплодисменты. Отдельная благодарность моему заместителю. Как я нашел субсидии, я вам рассказывать не буду, это неинтересно. И вообще говорить много не стану. Скажу лишь одно. Благодарить за все вы должны мою дочь, ради которой

я все это затеял. Моей девочке сегодня исполнилось шесть лет, я ее поздравляю и дарю... Аринушка, вот сюрприз, о котором я говорил. — Он показал рукой куда-то в сторону.

Толпа расступилась, но все равно Арине не было видно, поэтому она встала на лавочку, в который раз за сегодня забыв о правилах хорошего тона. Теперь перед ее взором предстали не только речной откос, крепостная стена и отряд конников, но и гудящий, тархтящий, бумцающий, передвигающийся по рельсам, но без шпал, разукрашенный и завешанный гирляндами цветов поезд.

— Я дарю тебе, Арина, это чудо техники — трамвай!

Глава 2

Четыре года спустя

Был канун нового, 1900 года. В доме Барышниковых весь день царил предпраздничная суета, но к вечеру все дела были завершены. Лестницы устлали коврами, позолоченные ручки натерли до блеска, китайские вазы наполнили живыми цветами, по стенам, кроме портретов хозяев и императора, развешили гирлянды, а торт, огромный, шестиярусный, уже привезли на тройке и вкатили в дальнюю комнату, подальше от глаз.

Арина сидела, как всегда, на подоконнике и смотрела в окно. На улице было темно и морозно. Обычно многолюдная набережная теперь была пустынна, только иногда вдоль домов скользили сани, и видно

было, как изо рта седоков валит пар. Желтые фонари, вокруг которых кружили снежинки, были покрыты инеем, как и деревья в саду, и ограда.

Очень приятно было, сидя в тепле, смотреть на обледенелую улицу, закутанных до носа одиноких прохожих. Арина почти слышала, как снег поскрипывает под их ногами и вжикает под полозьями саней. Из противоположного окна вид открывался гораздо интереснее, но девочка не подходила к нему. Она знала, что там с визгом и гиканьем на санках скатываются с горы детишки, но папа ее туда не пускал, потому что это было опасно — можно провалиться под лед или сломать шею. Арина все понимала, но ей хотелось хотя бы разок съехать с откоса, проскользить по льду и закончить путешествие, ткнувшись носом в огромный сугроб.

Арина посмотрела на гигантскую елку в центре комнаты, увешанную гирляндами и разноцветными шарами, которые привезли специально из Германии. Папа говорит, что у бедных детишек, которые катаются с горы, таких чудес нет, как и подарков, и бального платья. А вот у нее даже есть свой трамвай! С того памятного дня рождения прошло почти четыре года, Арина стала совсем взрослой и начала понимать, что чудо техники совсем не ее, а города, но она знала, что пуск трамвая приурочили по настоянию папочки специально к ее дню рождения. С тех пор они всегда катались на нем в ее праздник, а уже потом отправлялись в парк и делали то, что обычно.

Дверь отворилась. В комнату бесшумно вошла мама, у которой с воспитанницей сложились прекрасные отношения.

— Догугуша, не ходиде кхуасан? — Гувернантка была приверженкой своей национальной кухни, поэтому мистер Кук, тайно влюбленный во француженку, научился печь круассаны и сдобные ванильные булочки, которые присылал ей ежедневно.

— Нет, спасибо. Я подожду торта. Говорят, он украшен не только лебедями, но и мишками, и зайцами.

— Кгто проговорился? Няня?

— Нет, сам мистер Кук. — Арина знала, что на него мадам сердиться не будет.

— Ну хогошо. Ступай переодевагца. Ского пגיעдет авто.

— Я не люблю машин, там плохо пахнет.

— Зато там тепло.

— Мадам, вы делаете успехи. Ваш русский стал очень хорош.

— Лиса, а не дегочка. — Мадам Фурше приобняла воспитанницу, она ее обожала. Да и разве можно было не любить такого милого ребенка?

Арина спустилась к себе в комнату. На кровати уже был приготовлен ее праздничный наряд. На этот раз он был серебристо-голубым. Платье из атласа, по последней французской моде, чулки, сапожки, накидка, отороченная и подбитая голубой норкой, а еще сумочка и веер из страусовых перьев. Девочка оделась, не без помощи няни, стараясь не испортить прическу, и подошла к зеркалу. За эти годы она сильно вытянулась, похудела. Но щеки оставались по-детски пухлыми и румяными. Волосы сильно отросли и теперь доходили до талии. Но сегодня их убрали в высокую